

ний об аргонавтах сложилось в IX в. до н. э.), о том, что колхи «сохраняют сделанные на табличках записи своих отцов, в которых изложены все пути и пределы воды и суши для путешественников»³. Однако в примечании к этим словам Л. А. Ельницкий указывал, что «записи отцов», которые надо представлять себе в виде перипла или схематической карты, навеяны преданиями не столько о колхах, сколько о египтянах»⁴.

Другим косвенным мифологическим свидетельством глубокой древности начертаний на Майкопской плите мог бы служить отрывок из абхазского варианта нартского эпоса, повествующий о былом знакомстве творцов этого эпоса с какой-то письменностью на камнях, впоследствии забытой народом.

«Усадьбы у нартвов за каменной были оградой,
Украшенной тонкой словесной резьбой.
Тех надписей странен язык неизвестный,
И тайны словесной
Еще не раскрыли ни свой, ни чужой»⁵.

Но и этот отрывок в связи с невозможностью определить относительное время создания сказания, из которого он извлечен, мало что дает для обсуждаемой темы.

*Майкопская
плита*

↓
x
↓x
↓
↗
↖
↗
↖
↗
↖

*Дегуакская
скала*

↓
x
↗
↖
↗
↖
↗
↖
↗
↖

*Ольгинская
плита*

↓
x
↓x
↓
↗
↖
↗
↖
↗
↖

Его с успехом можно датировать, в соответствии с датировкой всего эпоса, как I тысячелетием до н. э., так и II тысячелетием н. э.

На бакинской сессии 1965 г., посвященной итогам археологических и этнографических исследований в 1964 г., сторонники удреждения знаков на Майкопской плите пытались отстаивать версию, согласно которой Майкопская плита якобы могла быть перенесена с памятника XIII—XII вв. до н. э., на поселение III в. до н. э. Но подобная версия открывает простор любым произвольным догадкам.

Перечисленные же косвенные свидетельства и соображения, несмотря на внешнюю привлекательность, все же по своей доказательности далеко не равноценны прямым археологическим фактам и сведениям о природе самой плиты.

III

В связи с дискуссией, развернувшейся вокруг Майкопской плиты, нельзя не вспомнить о старых находках начала XX в., принадлежащих Е. Д. Фелицыну и А. А. Миллеру. «В пяти верстах от ст. Даховской (Кубанского края.-Л. А.)—писал Е. Д. Фелицын,— по правую сторону р. Дегуака, на обрывистой скале горного хребта, замыкающего собой обширную Дегуакскую поляну с многочисленным на ней кладбищем дольменов, я отыскал загадочные начертания, сделанные каким-то острым орудием в глубь камня и расположенные в семи группах, находящихся близко одна около другой»⁶.

³ ВДИ, 1947, № 3, стр. 285.

⁴ Там же, прим. 6.

⁵ «Приключения нарта Сасрыквы и его девятина девяти братьев. Абхазский народный эпос», 1962, стр. 50.

⁶ Е. Д. Ф е л и ц ы н., Западно-Кавказские дольмены, МАК, вып. IX, 1904, стр. 38.

Среди этих начертаний есть 6 знаков (из 29), почти полностью повторяющих соответствующие знаки на Майкопской плите (см. табл.). Имея в виду возраст обнаруженных начертаний, Е. Д. Фелицын спрашивал, не принадлежат ли они строителям дегуакских дольменов⁷. Но на Дегуакской поляне, кроме дольменов X—XI вв. до н. э., имеются также многочисленные черкесские средневековые курганы. Поэтому можно поставить вопрос и о принадлежности дегуакских начертаний людям, оставившим средневековые курганы.

Некоторым знакам на Майкопской плите можно найти аналогии в восьми (из 24) знаках с большой каменной плиты (см. табл.), обнаруженной А. А. Миллером в 1907 г. около одного из курганов в юрте села Ольгинского, между Туапсе и Ново-Михайловкой⁸. Курганы, из насыпи которого происходит данная плита, относятся к тем, которые были, по мнению А. А. Миллера, сооружены «до времени распространения у черкесов магометанства»⁹.

Не полезнее ли было бы попытаться сопоставить известные нам археологические факты, чем обращаться к надуманным предположениям о перенесении плиты с более древнего памятника на более позднее поселение?

П. У. Аутлев

⁷ Там же.

⁸ А. М и л л е р. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г., ИАК, вып. 33, 1909, стр. 100—101, рис. 32.

⁹ Там же, стр. 72.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВВЕДЕНИЯ ДРЕВНЕПЕРСИДСКОЙ КЛИНОПИСИ

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА
СТРУВЕ

Имеющий длительную историю вопрос о происхождении и времени введения древнеперсидской клинописи продолжает оживленно обсуждаться в специальной литературе. В обсуждении этого сложного вопроса приняли участие крупнейшие специалисты зарубежной (Ф. Вейсбах, Э. Херцфельд, Р. Кент, Г. Шедер, В. Хинц, В. Брандштейн и др.) и отечественной науки (А. А. Фрейман, В. В. Струве, И. М. Дьяконов, М. А. Дандамаев и др.). Здесь нет необходимости останавливаться на обширной литературе, посвященной проблеме древнеперсидской письменности: обстоятельный обзор этой литературы с критическим рассмотрением существующих точек зрения сделан недавно М. А. Дандамаевым¹. Сопоставив имеющиеся в литературе данные, М. А. Дандамаев присоединился к высказанному рядом ученых мнению, что древнеперсидская клинопись начала употребляться только при Дарии I и что первым памятником этого

¹ М. А. Д а н д а м а е в, Проблема древнеперсидской письменности, ЭВ, XV, 1963, стр. 24—35; о н ж е. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.), М., 1963, стр. 32—60. К приведенной в работах М. А. Дандамаева литературе следует добавить: J. L e v i, The Problems Inherent in Section 70 of the Bisutun Inscription, «Hebrew Union College Annual» (Cincinnati), 25, 1954, стр. 169 слл.; J. K u r y ł o w i c z, Zur altpersischen Keilschrift, в кн.: J. K u r y ł o w i c z, Esquisses linguistiques («Polska Akademia Nauk. Komitet językoznawczy Prace językoznawcze», 19), Wrocław — Kraków, 1960, стр. 274—280.

письма является Бехистунская надпись ². Эта же точка зрения принята в новейшем «Руководстве по древнеперсидскому языку» ³.

Однако науке известны древнеперсидские надписи, составленные от имени предшественников Дария I, — надписи его деда Аршамы и прадеда Ариарамны, а также пасагадские надписи Кира II (Великого). Поэтому для обоснования положения о введении древнеперсидской клинописи при Дарии I ученым, стоящим на указанной точке зрения, необходимо прежде всего доказать, что древнеперсидские надписи, составленные от имени Кира II, Аршамы и Ариарамны, высечены не по повелению этих царей, а относятся к более позднему времени и являются, как утверждают, либо подделками (надписи Аршамы и Ариарамны), либо надписями, высеченными в память Кира II уже после его смерти. В пользу этого положения приводятся следующие аргументы.

а) В надписях Ариарамны и Аршамы отмечаются орфографические и грамматические «ошибки»; поскольку такого рода «ошибки» характерны для надписей поздних Ахеменидов, некоторые ученые считают, что и надписи Ариарамны и Аршамы составлены не ранее IV в. до н. э. и что они были в силу каких-то политических (не вполне, впрочем, ясных) соображений подделаны в более поздний период (в царствование Артаксеркса II) ⁴.

Действительно, в надписях Ариарамны и Аршамы наблюдаются орфографические «ошибки», а также случаи отклонения от выдержанной системы древнеперсидского склонения, известной по надписям Дария I и Ксеркса, например, *xšāyaθiya rārsa* «царь (в) Персии» (AsH, 3) ⁵ вместо ожидаемого **rārsaīy* (местн. пад.) или написание *rārsā* (AmH, 5) вместо ожидаемого **rārsa* (им. пад.), *tya* (AmH, 5) вместо ожидаемого **tyām* (вин. пад. ж. р.) и т. д. Трудно было бы, однако, ожидать, чтобы первые попытки фиксации бесписьменного дотоле языка были безукоризненно корректны в орфографическом и грамматическом отношении. Не следует забывать, что весьма выдержанные в этом отношении надписи Дария I и (уже в меньшей степени) Ксеркса составлялись в совершенно иных историко-культурных условиях, чем надписи мелких царьков, их предков.

Находки глиняных таблечек с копиями (фактически — черновиками или, точнее, образцами для гравиров и каменотесов) надписей Дария и Ксеркса доказывают, что перед тем, как быть высеченными на скалах, гробницах или дворцовых сооружениях, эти надписи тщательно составлялись, редактировались и корректировались опытными писцами и редакторами царской канцелярии. Справедливости ради следует сказать, что даже при этих условиях, при наличии развитой государственной канцелярии, надписи Дария и Ксеркса не свободны от непоследовательных написаний, от орфографических и грамматических погрешностей. Ср., например, *dārayavahauš* (род. пад. XPf, 25) вместо ожидаемого **dārayava^huš* (им. пад.) и, наоборот, *dārayava^huš* (им. пад. XPf, 28) вместо ожидаемого **dārayavahauš* (род. пад.); *ava dahyāvam* «эту страну» (XPh, 33) вместо ожидаемого **avām* (вин. пад.); ср. также *čišpāiš* (DB, I, 5f), по *čiš-*

² В наиболее категорической форме это мнение проводится в последнее время в работах В. Хинца и Р. Боргрепа: W. H i n z, Die Einführung der altpersischen Schrift, ZDMG, 102 (N. F. 27), 1952, стр. 28—38; R. B o r g e r und W. H i n z, Eine Dareios-Inscription aus Pasargadae, ZDMG, 109 (N. F. 34), 1, 1959, стр. 117—127; осторожнее подходит к этому вопросу И. Харматта (J. H a r m a t t a, A Recently Discovered Old Persian Inscription, AA. n ASH (Budapest), II, 1954, 1—2, стр. 12—13).

³ W. B r a n d e n s t e i n und M. M a y r h o f e r, Handbuch des Altpersischen, Wiesbaden, 1964, стр. 17.

⁴ См. R. G. K e n t, The Oldest Old Persian Inscriptions, JAOS, 66, 1946, 3, стр. 211—212 (там же, стр. 206—207 — литература вопроса); о н ж е, Old Persian ², New Haven, 1953, стр. 12, прим. 2.

⁵ В сокращенных обозначениях древнеперсидских надписей используется система сокращений, принятая Кентом (K e n t, Old Persian ², стр. 4—5) и последующими авторами.

paīš (DBa, 8); a^huramazdātaiy (DB, IV, 78), но a^huramazdātay (DB, IV, 58); XŠyanām (DPh, 1; DH, 1) вместо обычного XŠyānām (род. пад. мн. ч.), tuva «ты» (XPh, 46) вместо ожидаемого *tuvam и т. д.⁶ Таким образом, орфографические и грамматические «погрешности» надписей Арирамы и Аршамы не обязательно свидетельствуют о позднем их происхождении. Эти погрешности могут объясняться отсутствием установившейся орфографической традиции, влиянием разговорной речи, «неграмотностью» писцов и т. п. Такие крупные лингвисты как А. Мейэ и Э. Бенвенист отлично видели, конечно, грамматическую некорректность надписи Арирамы, что не мешало им, однако, признавать употребление древнеперсидской клинописи за два поколения до Дария⁷.

б) И Арирама, и Аршам называют себя в этих надписях «царь великий, царь парей, царь (в) Персии» (xšāyaθiṽa vazrka xšāyaθiṽa xšāyaθiṽānām xšāyaθiṽa pārsa), между тем обе надписи найдены не на территории древней Персиды, а в Хамадане (или около него), т. е. на территории древней Мидии — обстоятельство, подтверждающее, как считают, мысль о подделке этих надписей. Однако сам по себе факт перемещения двух сравнительно небольших золотых пластинок с указанными надписями из одной области в другую отнюдь не представляется невероятным⁸.

в) Все три трехязычные надписи с именем Кира из Пасаргад (CМа, CМб, CМс) очень кратки и очень скромны по титулатуре (в отличие от трех известных аккадских надписей Кира), что также используется как аргумент в пользу приведенного выше мнения⁹. Заметим, однако, что надписи Кира, высеченные на колоннах его дворца (CМа) или на складках одежды рельефного его изображения (CМс), и не могли быть больше по объему и что аналогичного характера надписи Дария I точно так же кратки и точно так же скромны по титулатуре¹⁰.

г) Палеографические особенности Бехистунской надписи. Речь идет здесь главным образом о форме знака-словоразделителя. Дело в том, что во всех древнеперсидских надписях (в том числе в надписях Арирамы, Аршамы и Кира II) словоразделитель имеет форму наклонного клина (◁) и только в Бехистунской надписи — форму обра-

щенного своим острием влево угла (◁). Некоторые исследователи (В. Хинц, М.А. Дандамаев) видят в этом подтверждение своего предположения о Бехистунской надписи, как о древнейшем памятнике древнеперсидской клинописи, полагая, что перво-

⁶ Достаточно длинный перечень примеров грамматической и орфографической непоследовательности в древнеперсидских надписях, в том числе в надписях Дария и Ксеркса, см. Kent, *Old Persian*², § 47 слл.

⁷ «... deux générations avant Darius (Ariyārāmna a dū regner vers 640—580 av. J.-C.), le cuneiforme perse était en usage» (A. Meillet, *Grammaire du vieux-perse*, 2-ème éd. entièrement corrigée et augmentée par E. Benveniste, P., 1931, стр. 1—2).

⁸ Как справедливо отмечают (см., например, Дандамаев, *Иран...*, стр. 42), труднее объяснить пышную титулатуру, присвоенную в этих надписях Арираме и Аршаме (самовозвеличение?).

⁹ См. Дандамаев, *Иран...*, стр. 35, 39—40.

¹⁰ Ср., например, персепольскую надпись Дария, высеченную на одежде его скульптурного изображения (DPb): dārayava^huš XŠ vazrka vištāspahyā ruθ^ha haḫā-maīšiya «Дарий, царь великий, сын Виштаспы, Ахеменид». Ср. также надписи на оконных карнизах персепольского дворца Дария (DPc): ardataana aθaⁿgaina Dāraya-vaḫauš XŠhyā viθiyā krta «каменная рама, сделанная в доме (дворце) царя Дария», надписи DPi, DSI, DSn и др. Заметим также, что скромность титулатуры в реконструированной Боргером-Хинцем надписи CМб (см. ниже) не помешала этим исследователям и ученым, разделяющим их точку зрения, приписать указанную надпись Дарию I.

начально употребленный в качестве словоразделителя угловой клин был впоследствии заменен более простым наклонным. Отсюда делается вывод о том, что все надписи, в которых в качестве словоразделителя использован наклонный клин, относятся к более позднему времени, чем Бехистунская. Отмечается также, что «в Бехистунской надписи словоразделитель стоит в начале и в конце всех разделов и во всех малых надписях (за исключением Beh. h и Beh. k, где его нет в конце), в то время как во всех остальных эпиграфических памятниках Ахеменидов, включая и пасаргадские, в начале и конце словоразделитель отсутствует»¹¹.

Следует, однако, уточнить, что, вопреки цитированному выше мнению, словоразделитель отсутствует в конце всех пяти столбцов Большой Бехистунской надписи, а также в конце малой надписи g (DBg). С другой стороны, знак словоразделителя стоит в конце DPd, на одной из копий XPd, A³Pa и т. д. Кентом указаны также случаи непосредственного употребления знака словоразделителя в узких и некоторых других надписях¹². Все это ослабляет доказательность приведенного аргумента. Но и независимо от этого, отнюдь не представляется невероятным, что редакторы Бехистунской надписи, учитывая особое значение этого памятника, его величину и сложность композиции, попытались применить здесь иные знаки для словоразделения, чем их предшественники и последователи. Нельзя упускать из виду, что речь идет о самых первых шагах древнеперсидской письменности, когда еще не существовало установившейся традиции, и что Бехистунская надпись действительно была первым большим, совершенно невиданным ранее памятником клинообразного письма, предприятием, потребовавшим затраты значительного времени, рабочей силы и средств.

д) Наиболее веским аргументом служит теперь так называемая надпись CMb. Дело в том, что во фрагменте аккадского вавилонянина этой надписи сохранился знак MUŠ/SIR, который, по мнению специалистов (Р. Халлок), может быть интерпретирован только как окончание разрушенного имени Дария: [Da-a-ri-i]a-muš¹³. Независимо от Р. Халлока, к этому же выводу пришли Р. Боргер и В. Хинц¹⁴, которые, сопоставив все три версии (древнеперсидскую, эламскую и аккадскую) этой надписи и приложив к этому незаурядную изобретательность и комбинаторный талант, предложили следующую ее реконструкцию: «Провозглашает Дарий, царь великий, сын Виштаспы, Ахеменид. Этот дворец построил для себя царь Кир и также этот рельеф, надписи, однако, он не сделал. Я свою надпись написал на нем». По мнению ряда исследователей, эта надпись окончательно подтверждает, что пасаргадские надписи были высечены не Киrom, а Дарием, и что во времена Кира древнеперсидской клинописи еще не существовало.

Казалось бы, вопрос можно считать исчерпанным. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что на деле никакой надписи CMb не существует; существует некоторое количество мелких и мельчайших фрагментов с нанесенными на них отдельными знаками древнеперсидской, эламской и аккадской клинописи¹⁵. При этом нет никакой уверенности, что все эти фрагменты относятся к одной и той же надписи¹⁶.

¹¹ Д а н д а м а е в, Иран..., стр. 36.

¹² К е н т, Old Persian², § 44.

¹³ R. T. H a l l o c k, Notes on Achaemenid] Elamite, JNES, XVII, 1958, 4, стр. 256, прим. 2.

¹⁴ B o r g e r — H i n z, ук. соч., стр. 117—127.

¹⁵ Фрагменты были найдены в строительном мусоре при раскопках пасаргадского дворца Кира II, проводившихся в 1928 г. Э. Херцфельдом, и опубликованы им же 10 лет спустя (E. H e r z f e l d, Altpersische Inschriften, В., 1938, стр. 2—4 und Tafel II (на фотографии представлены не все фрагменты). В 1958 г. к ним прибавился еще один фрагмент древнеперсидской надписи, состоящий из одного знака (k^a) и словоразделителя. Сохранились также следы еще двух знаков — знака, предшествовавшего k^a, и знака, стоявшего под ним. (B o r g e r — H i n z, ук. соч., рис. 1).

¹⁶ См. К е н т, The Oldest Old Persian Inscriptions..., стр. 209, прим. 6; он же, Old Persian², стр. 116.

Сам Херицфельд считал реконструкцию этой надписи по сохранившимся фрагментам невозможной¹⁷. Между тем указанные фрагменты достаточно произвольно и с многочисленными допущениями¹⁸ комбинируются в строки (6 строк древнеперсидского, 5 строк эламского и 4 строки аккадского текста), на основании которых и дается вышеприведенная реконструкция. При этом на основе недостаточно достоверно реконструируемых строк аккадской версии восстанавливаются строки древнеперсидской. Для оценки убедительности этой реконструкции достаточно сказать, что из 25 восстанавливаемых знаков первой строки [древнеперсидского текста¹⁹ сохранились только один (последний) знак²⁰ и словоразделитель; из 26 знаков второй строки — часть одного (последнего) знака²¹ и словоразделитель; от третьей строки сохранились только знаки ūr. š (остатки имени Kūruš — Кир)²² и дважды повторенный через словоразделитель знак у^a (в первом случае — остаток слова xšāyaθiya «царь»); в четвертой строке сохранилось написание kutā, восстанавливаемое как a|kutā — «построил, сделал»; из 25 с половиной знаков пятой строки и 26 с половиной знаков шестой строки сохранилось только по три знака. Примерно такое же положение наблюдается при реконструкции эламской (где первые две строки отсутствуют полностью, а от трех следующих сохранились лишь отдельные знаки) и аккадской версий. Достаточно сказать, что чтение первой строки аккадской версии, лежащей в основе реконструкции, основывается на составлении разрозненных фрагментов, на которых сохранились (помимо уже упоминавшегося фрагмента со знаком MUS/ŠIR) лишь два знака — a и i: ... [šaḡru rabū^u māḡ Uš-t] a-a [s-ra/pī A-ḡa-ma (n)-niš-š] i-... «... царь великий, сын Виштаспы, Ахеменид...». При этом ни древнеперсидская, ни эламская версии поддержать такое чтение не могут, ибо, как уже говорилось, от первой строки восстанавливаемого древнеперсидского текста сохранился только один знак, а первая строка эламского текста отсутствует вообще. Сопоставление реконструкций текста этой надписи, предложенных Кентом²³ и Боргером — Хинцом²⁴, лишний раз убеждает в том, насколько они ненадежны. Но если даже, согласившись с Халлоком и Боргером — Хинцом, признать, что знак MUS/ŠIR аккадской версии не может быть ничем иным, кроме как остатком от имени Дария,¹ признать, что надпись СМб (или отнесенный к ней фрагмент с этим знаком) действительно принадлежит Дарию I, то и в этом случае остаются еще две пасар-

¹⁷ Herzfeld, ук. соч., стр. 3.

¹⁸ Так, например, на стр. 120 без достаточных оснований высказывается предположение, что остатки знака в древнеперсидском фрагменте 2^a, читаемые по прорисовке Херицфельда как š (Herzfeld, ук. соч., стр. 3), можно было бы прочесть как u. Между тем наличие двух наклонных клиньев в верхней сохранившейся части этого знака сразу исключает возможность такого допущения (в знаке u под верхним горизонтальным клином стоят два вертикальных).

¹⁹ При установлении ширины строки Боргер и Хинц принимают словоразделитель за половину знака.

²⁰ Знак -k^a (из фрагмента 1958 года, см. выше). При этом утверждается, что сохранились и следы предшествующего знака r^a, на основании чего Боргер — Хинц реконструируют последнее слово первой строки как wazr|aka. Однако, насколько можно судить по весьма отчетливой фотографии (Vogge — Hinz, ук. соч., рис. 1), от знака, предшествующего -k^a, сохранился только вертикальный клин, который с равным успехом может быть остатком доброго десятка знаков древнеперсидской клинописи (b^a, d^a и т. д.), и потому чтение wazr|aka, хотя и весьма вероятное, отнюдь не является обязательным.

²¹ Также из фрагмента 1958 года. Сохранившаяся часть этого знака реконструируется как -m^a. Возможны, однако, и другие чтения (например, -t^a).

²² Э. Херицфельд (ук. соч., стр. 4) и Р. Кент (Old Persian², стр. 116) помещали фрагменты с этими знаками в первую строку.

²³ Kent, Old Persian², стр. 116.

²⁴ Borger — Hinz, ук. соч., стр. 124.

гадские надписи с именем Кира (СМа и СМс), и все попытки поставить под сомнение их принадлежность Киру II ²⁵ недостаточно основательны ²⁶.

е) Остается знаменитый § 70 Бехистунской надписи. В специальной работе, посвященной анализу этого параграфа, В. Хинц утверждает, что Дарий I объявил здесь о введении им нового вида письма — древнеперсидской клинописи ²⁷. К этому мнению присоединились и некоторые другие ученые, в том числе авторы уже упоминавшегося новейшего «Руководства по древнеперсидскому языку» (стр. 17): «В § 70 Бехистунской надписи, — пишут В. Бранденштейн и М. Майрхофер, — Дарий похваляется (*rühmt sich*) тем, что он первым составил надпись «по-арийски», т. е. по-древнеперсидски».

Однако из древнеперсидского текста Бехистунской надписи (DB, IV, 88—92) такой вывод сделать невозможно. Если следовать принятой сейчас реконструкции этих строк, предложенной Р. Г. Кентом ²⁸, то в переводе на русский язык они будут звучать следующим образом: «Провозглашает царь Дарий: по воле Ахурамазды это моя надпись, которую я сделал. Кроме того²⁹, (что) было по-арийски³⁰, и на глиняных табличках³¹

²⁵ B o g g e r — H i n z, ук. соч., стр. 125 сл. Заметим, что Р. Халлок, (ук. соч. стр. 256 и прим. 2), первым высказавший предположение о принадлежности фрагментов СМб к надписи Дария, не сомневался в том, что надписи СМа и СМс принадлежат Киру.

²⁶ Недостаточно основательны также попытки приписать несохранившиеся надписи на гробнице Кира II (о которых сообщают греческие авторы) Дарию I. М. А. Дандамаев (Иран..., стр. 38) пишет, что эти надписи «возможно, были составлены не при самом Кире, а при Дарии, поскольку надгробные надписи, как правило, пишутся только после смерти тех, кому они посвящаются». Это верно, однако справедливости ради, следует заметить, что никто не сомневается в принадлежности Дарию I пакириустемских надписей, хотя они также высечены у его гробницы. Весьма скептическое отношение к попыткам В. Хинца оживить утверждение о том, что пасагартские надписи Кира II были установлены после его смерти, высказано в статье Леви (L e w y, ук. соч., стр. 180 сл.).

²⁷ H i n z, Einführung, стр. 28—38.

²⁸ K e n t, Old Persian², стр. 130 (текст приводится в нормализованной транскрипции): *θātiy Dārayava^huš xšāyaθiya vašnā A^hura[ma]zdāha i(ya)m dipīmai[y tyām] adam akunavam patišam ariyā āha utā pavastāy[ā] utā čarmā gra[θitā āha pat]išamaiy [patika]ram akunavam pa[t]iša[m u]vadā[m akunavam] utā niyapi[θ]i[ya] ultā patiya-*fraθiyā* paišiyā mā[m] pasā[va] i(ma)m dipi[m a]ldam f[r]āstāyām vi[s]padā a^htar dahyā[va] kāra hamā[ta]xšatā.*

²⁹ Или, может быть, лучше: «К тому» (см. Д а н д а м а е в, Иран..., стр. 56).

³⁰ Т. е. по-древнеперсидски; имеется в виду высеченный на скале текст надписи.

³¹ *pavastāyā* — местн. пад. ед. ч. ж. р. от *pavastā*-, ср. др. инд. (вед.) *pavāsta*-ав. **pausta* (см. А. А. Ф р е й м а н, Таджикское пѣст..., СВ, 1958, № 6, стр. 79 сл.), среднеперс. и новоперс. *pōst*, совр. перс. *pust*, тадж. *pūst* «кожа, шкура, оболочка» (дальнейшие сопоставления и этимология см. М. М а у р h o f e r, Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, s. v. *pavāstam*, *pustakam*; H. W. B a i l e y, The Preface to the Siddhasāra-Sastra, в кн.: «A Locust's Leg. Studies in Honour of S. H. Taqizadeh», L., 1962, стр. 35 сл.). По мнению Э. Бенвениста (BSLP, 47, 1, стр. 40—49), речь идет о глиняной оболочке таблички (соответствует слову *halat* «необожженный кирпич» эламского перевода). Семантическое развитие др. ир. *pavastā*:- «кожа» → «письменный документ на коже» → «письменный документ» (вообще, независимо от материала, на котором он написан) → «книга» может быть показано на материале согдийского языка (согд. *pwstak* (мн. ч. *pwst'yt*) «книга, сутра», ср. также скр. *pustaka* «книга, рукопись» — см. Ф р е й м а н, ук. соч., стр. 78). Согласно Геродоту (V, 58), аналогичный семантический сдвиг имел место и в ионийском диалекте греческого языка, где термин «кожа» (*δερμα*) был перенесен впоследствии на папирус. Не исключено поэтому, что под *pavastā*- Бехистунской надписи может скрываться и какой-либо другой материал для письма, например, папирус — материал, на котором были найдены,

и на коже (пергамене) было составлено ³². Кроме того, мое изображение ³³ (я) сделал, кроме того, (свою) родословную ³⁴ я сделал. И было (это) написано, и было прочитано мне. Затем я разослал эту надпись повсюду в провинции. Народ (войско) старался (действовал со мной)» ³⁵.

Аккадский перевод этого места, как известно, отсутствует. Поэтому основным и по существу единственным доводом в пользу указанной точки зрения являются слова эламской версии, которая после слов: «Я tur-pi-me другого рода сделал по-арийски» добавляет: «которой раньше не было» ³⁶. В этих словах эламской версии В. Хинц и некоторые другие ученые видят указание на введение Дарием I древнеперсидской клинописи. Вопрос упирается здесь в понимание эламского слова tur-pi, tur-pi-me, происходящего от шумер. DUB, акк. {tur-ru «таблетка (для письма)» и соответствующего др. перс. dipī- «надпись». В. Хинц настаивает на том, что слово tur-pi-me эламской версии должно переводиться как «Schrift» («письменность»). Допускаемый здесь В. Хинцем семантический сдвиг на первый взгляд невелик («табличка (для письма)», «документ» → «письмо», «письменность» («Schrift»)), однако он ведет к далеко идущим выводам. Приравняв указанное значение слова tur-pi-me, В. Хинц получает следующий перевод эламской версии § 70: «Провозглашает царь Дарий: „по воле Ахурамазды я сделал письменность („Schrift“) другого рода, по-арийски, которой раньше не было — и на глиняных табличках, и на пергамене; сделал (написал) я также имена и генеалогию, и это было написано и прочитано мне. Затем разослал я эту письменность („Schrift“) во все провинции, жители которых изучали (ее)“». Не являясь специалистом в области элами-

как известно, фрагменты арамейского перевода Бехистунской надписи с Элефантины (ср. Д а н д а м а е в, Иран..., стр. 58 с ссылкой на: E. M e u e r, Der Papyrusfund von Elephantine, стр. 100—101). Первый издатель арамейских фрагментов Бехистунской надписи Э. Захау полагал, что элефантинские папирусы с этим текстом — один из экземпляров, разосланных канцелярией Дария (E. S a c h a u, Aramäische Papyrus und Ostraka aus einer jüdischen Militär-Kolonie zu Elephantine, Lpz, 1911, стр. 185).

³² gra[θitā āha...]. О чтении gra[θitā] см. M. M a y r h o f e r, Altpersische Späne, «Orientalia» 33, 1964, 1, стр. 75; W. H i n z, Einführung, стр. 35, предлагает читать здесь ut[ā ištā] «и на глиняных табличках» (*ištā — местн. пад. ед. ч. от išti-«кирпич», ср. др. инд. iṣṭakā-, iṣṭikā- «обожженный кирпич», ав. iṣṭya-, новоперс. xišt и т. д.). Если возможность чтения u-t-... вместо g-r... подтвердится палеографически и тем самым предложение В. Хинца приобретет твердую опору, то тем вероятнее будет видеть в ravastā- именно «папирус» (см. предыдущее прим.). В таком случае перевод этого места будет: «К тому (что) было по-арийски, и на папирусе, и на коже, и на глиняных табличках (кирпичах) было».

³³ Имеется в виду рельеф, венчающий надпись.

³⁴ u]vadā[m. Если эта реконструкция верна, то имеется в виду родословная Дария, которую он приводит в первых строках надписи (I, 1—6).

³⁵ Или, может быть, лучше: «Затем я разослал эту надпись. Повсюду в провинциях народ (войско) сотрудничал (со мной)». Такой перевод представляется более предпочтительным, так как предлог a^htar с последующим винительным падежом указывает во всех засвидетельствованных контекстах (DB, I, 21; II, 78; IV, 32; XPh, 30, 35) не на направление, а на место действия. В эламском тексте др. перс. hamā[ta]xšatā соответствует sa-pi-iš — глагол, который в персепольских табличках «Крепостной стены» относится к персидским мальчикам — писцам или переписчикам документов (tur-pi-me) и обозначает скорее всего «писать, переписывать, снимать копии», возможно, также «читать» или «изучать» (см. R. T. H a l l o c k, New Light from Persepolis, JNES, IX, 4, стр. 244; H i n z, Einführung, стр. 32 сл.; Д а н д а м а е в, Иран..., стр. 41—42 со ссылкой на сообщение проф. Халлока). Поэтому, если следовать эламскому тексту, заключительную фразу можно, как кажется, понимать так: «Повсюду в провинциях народ изучал (читал, переписывал, копировал) ее (эту надпись)»

³⁶ В древнеперсидском тексте соответствующие слова отсутствуют.

тологии, не берусь судить о правильности приведенного перевода³⁷, однако истолкование В. Хинцем § 70 в целом представляется явной натяжкой, призванной подкрепить мысль автора о том, что древнеперсидская клинопись была введена при Дарии I и что первым памятником этой письменности является Бехистунская надпись³⁸.

Здесь необходимо иметь в виду следующие факты:

1) Слово *tup-pi-me* эламской версии § 70 соответствует, как уже говорилось, др. перс. *dīrī-*. В известных науке древнеперсидских текстах это слово встречается десять раз, в том числе восемь раз в IV столбце Бехистунской и два раза в Ванской надписи Ксеркса. Контексты не оставляют никаких сомнений в том, что во всех этих случаях словом *dīrī-* обозначается не отвлеченное понятие «письменность», а конкретная надпись. Ср.: *θātiy Dārayava^huš xšāyaθiya.... tuvam kā hya aparam imām dipim patiparsāhy tya manā kṛtam varnavatām θuvām mātya draugam maniyāhay* «Провозглашает царь Дарий:... ты, который будешь читать (изучать, проверять) впоследствии эту надпись, пусть убедит тебя, что мною сделано, не посчитай за ложь» (DB, IV, 40—43); *θātiy Dārayava^huš xšāyaθiya vašnā A^huramazdāha utāmai yastiy vasaiy astiy kṛtam ava ahyāyā dipiyā naiy nipištām avahyarādiy naiy nipištām mātya hya aparam imām dipim patiparsātiy avahyā paruv θadayātaiy tya mana kṛtam...* «Провозглашает царь Дарий: по воле Ахурамазды и многое другое есть, (что) я сделал, (но) то в этой надписи не написано; того ради не написано, дабы тому, кто впоследствии будет читать (изучать) эту надпись, (чрезмерно) многим не показалось то, что мною сделано...» (DB, IV, 45—49); *θātiy Dārayava^huš xšāyaθiya tuvam kā hya aparam imām dipim vaināhy tyam adam niyapaišām imaivā patikarā mātya vikanāhy yāvā^hutava āhy avaθāšatā paribarā.... yadiy imām dipim vaināhy imaivā patikarā naiydiš vikanāhy utātaiy yāvā taumā ahatiy paribarā^hadiš A^huramazdā θuvām dauštā biyā... yadiy imām dipim imaivā [patikarā yaināhy vikanā^hadiš utātaiy yāvā taumā ahatiy naiydiš paribarāhy A^huramazdātaiy jatā biyā....* «Провозглашает царь Дарий: ты, который увидишь впоследствии эту надпись, которую я написал, или эти рельефы (скульптуры), не разрушай их, но — пока в состоянии будешь — охраняй.... Если эту надпись или эти рельефы увидишь (и) их не разрушишь и — пока у тебя сила будет — охранишь их, да будет тебе (тогда) Ахурамазда другом.... Если же эту надпись или эти рельефы увидишь (и) разрушишь и — пока у тебя сила будет — их не охранишь, да поразит (тогда) тебя Ахурамазда.... (DB, IV, 69—79); *θātiy Xšayāršā xšāyaθiya Dārayava^huš xšāyaθiya hya manā pitā hauv vašnā A^huramazdāha vasaiy tya naibam akunauš utā ima stānam hauv niyaštāya kaⁿtanaiy yanaiy dipim naiy nipištām akunauš pasāva adam niyaštāyam imām dipim nipištānaiy...* «Провозглашает царь Ксеркс: царь Дарий, мой отец, он по воле Ахурамазды много хорошего сделал (построил) и это место (нишу?) он приказал выбить (вырыть), (но) надпись при этом не написал. Потом я приказал эту надпись написать...» (XV, 16—25).

2) Весь контекст IV столбца Бехистунской надписи (начиная со стк. 41) указывает на то, что Дарий имел здесь в виду конкретную надпись и конкретный рельеф, высеченные на Бехистунской скале и возвышающиеся перед читателем. Закончив рассказ о своих деяниях³⁹ и придавая этому своеобразному политическому манифесту огромное значение, Дарий обращается к потомкам с призывом уверовать во все здесь написанное, беречь и охранять созданное по его повелению грандиозное сооружение — надпись и рельеф. В заключительном параграфе Дарий еще раз объявляет о

³⁷ Критику его см. L e w y, ук. соч., стр. 169 сл.

³⁸ Это явствует и из слов самого автора, выдвигающего в качестве одного из аргументов в пользу такого перевода положение, что «только при таком переводе весь абзац приобретает ясный смысл и контекст» («Und viertens gewinnt der ganze Absatz einleuchtenden Sinn und Zusammenhang nur durch die Übersetzung von — *tup-pi-me* mit „Schrift“» (H i n z, Einführung, стр. 30).

³⁹ Первоначально древнеперсидский текст Бехистунской надписи состоял из четырех столбцов, последний из которых заканчивался рассматриваемым § 70; пятый столбец был добавлен позднее.

создании этого монументального памятника и о сделанных по его повелению переводах для рассылки в провинции. § 70 эламской версии, являющийся переводом соответствующего параграфа древнеперсидского текста ⁴⁰, не мог в чем-либо существенном отклоняться от оригинала, и слово *tur-pi-me* не может относиться здесь ни к чему иному, кроме самой Бехистунской надписи. Слова эламской версии: «Я надпись ⁴¹ другого рода сделал, по-арийски, которой раньше не было» относятся не к изобретению Дарием нового вида письменности, что совершенно выпадало бы из контекста заключительного абзаца, а содержат горделивое сообщение Дария о создании небывалого письменного памятника — монумента, равного которому не знала история ⁴².

Рассмотрев таким образом все аргументы, выдвигаемые в пользу той точки зрения, что древнеперсидская клинопись была введена впервые при Дарии I, следует признать, что ни один из них не может считаться окончательным и что впредь до появления новых материалов нет достаточных оснований ставить под сомнение подлинность надписей, оставленных предками и предшественниками Дария I, во всяком случае надписей Кира II.

Нельзя игнорировать также мнение ученых, которые, исследовав вопрос о том, каким образом древнеперсидское письмо отражает фонологическую систему древнеперсидского языка, пришли к выводу, что известная нам система древнеперсидской

⁴⁰ В настоящее время не может быть никаких сомнений в том, что именно древнеперсидский текст Бехистунской надписи являлся оригинальным и именно с него были сделаны переводы на другие языки, в частности, на эламский. Помимо соображений общего характера, сводящихся к тому, что в составлении надписи принимал, по-видимому, участие сам Дарий и что основа текста была продиктована им бесспорно на родном его языке, об этом говорит тот факт, что в эламском тексте наличествует значительное число древнеперсидских слов (см. G. G. Cameron, *Persepolis Treasury Tablets*, Chicago, 1948, стр. 19) и даже целая древнеперсидская фраза (DB, IV, 39f), транскрибированная эламским письмом (см. E. Benveniste, *TPhS*, 1945, стр. 59 сл.; Brandenstein — Mayrhofer, *ук. соч.*, стр. 90). О влиянии древнеперсидского синтаксиса на эламский перевод см. И. М. Дьяконов, *О языках древней Передней Азии*, ВЯ, 1954, № 5, стр. 58; E. Reiner, *Calques sur le vieux-perse en élamite achéménide*, BSLP, 55, 1960, 1, стр. 222—227.

⁴¹ По толкованию В. Хинца — «письменность». Р. Кент (*Old Persian*², стр. 130—131a), успевший ознакомиться с работой В. Хинца (Hinz, *Einführung*, стр. 28—38) и включить ссылки на нее во второе (посмертное) издание своего труда, принял некоторые чтения Хинца в сткк. DB, IV, 90—91, однако не принял его толкования слова *dīrī-* и соответственно его концепции о содержании § 70. См. также примечание издателя к указанному посмертному изданию книги Кента (Kent, *Old Persian*², Addenda к стр. 191b). Исходя из сохранившегося на скале текста (см. G. G. Cameron, *The Old Persian Text of the Bisitun Inscription*, JCS, 5, 1951, стр. 52), следует признать, что чтения В. Хинца *ima* и *tya* (DB, IV, 89), *ima* (DB, IV, 91) предпочтительнее предложений Кентом (Kent, *Old Persian*², стр. 130) *i(ya)m*, *ty* (*ām*) и *i(mā)m*. Невозможно, однако, принять сделанный отсюда В. Хинцем вывод, что колебания в родовых окончаниях указательно-относительных местоимений, выступающих в качестве определений к слову *dīrī-*, отражают семантическое различие: **dīrīš* (ж. р.) «надпись» и **dīrīy* (ср. р.) «письменность». Вопреки мнению В. Хинца, персепольские таблички «Крепостной стены» также подтверждают, что *tur-pi-me* имеет значение «табличка для письма, письменный документ» (см. выше). См. также Ю. Б. Юсифов, ВДИ, 1963, № 3, стр. 221 (документ № 184) и 253.

⁴² Эти слова могут относиться также к последующим строкам, сообщающим о копиях и переводах с Бехистунской надписи, которые писались на глиняных табличках, папирусах и пергамене и рассылались по повелению Дария в провинции. В этом случае слова «чего (которой) раньше не было» относятся к введенной Дарием практике переводов царских манифестов и рассылки их в провинции. См. И. М. Орanskiy, *Введение в иранскую филологию*, М., 1960, стр. 132.

письменности сложилась исторически и не могла быть изобретением Дария I или его современников ⁴³.

Р. S. Когда настоящая статья была уже подготовлена к печати, автору стала известна работа шведского исследователя К. Ниландера, посвященная анализу древнеперсидского фрагмента из раскопок в Пасаргадах ⁴⁴. Фрагмент этот уже был в 1959 г. опубликован В. Хинцем, ⁴⁵ однако К. Ниландеру была доступна более отчетливая фотография фрагмента ⁴⁶, содержащего, по его чтению, следующие знаки: 1 ... g³uš^a 2huā...

Поскольку в первой строке явно стоит форма генетива ([kū]rauš) от имени Кир (Kūruš), Ниландер весьма основательно полагает, что субъектом надписи мог быть только «Кира (Куруша), царя сын», т. е. Камбис и реконструирует фрагмент следующим образом...: [Kū]rauš [xšāuafīyahū raša...]. Если это заключение подтвердится, то перед нами остатки единственной известной науке надписи Камбиса, сына Кира и непосредственного предшественника Дария I — факт немаловажный для всего комплекса вопросов, связанных с введением древнеперсидской письменности ⁴⁷.

И. М. Оранский

⁴³ См. J. K u r y ł o w i c z, ук. соч., стр. 280; И. М. Дьяконов, История Мидии, М. — Л., 1956, стр. 369.

⁴⁴ C. N y l a n d e r, Bemerkungen zu einem Inschriftfragment in Pasargadae. OS (Uppsala), XI, 1963, стр. 121—125.

⁴⁵ В. Хинц в работе B o r g e r — H i n z, ук. соч., стр. 125—127 и рис. 2.

⁴⁶ В публикации A l i S a m i, Pasargadae — The Oldest Imperial Capital of Iran (Publ. № 4 of the Learned Society of Pars), Transl. by R. N. S h a r p, Shiraz, 1956, стр. 140 и рис. (автору осталась недоступной).

⁴⁷ См. теперь также И. М. Дьяконов, ВДИ, 1964, № 3, стр. 177—179; И. М. Оранский, ВДИ, 1965, № 1, стр. 209 и прим. 22; R. C h i r s h m a n, À propos de l'écriture cunéiforme vieux-perse, JNES, XXIV, 1965, № 3, стр. 244—250. Настоящая статья была сдана в редакцию в июле 1964 г. и задержалась публикацией по не зависящим от автора обстоятельствам. Со статьей Р. Гиршмана автор познакомился уже во время корректуры.

МОСКОВСКАЯ РУКОПИСЬ ПИНДАРА (Ω)

В рукописном отделе Исторического музея в г. Москве хранится рукопись (греч. 501, по Владимиру — 480), содержащая среди других произведений древнегреческих поэтов и олимпийские оды Пиндара ¹.

Эта рукопись была приобретена в Иверском монастыре на Афоне Арсением Сухановым во второй половине XVII в. ² Из Типографской библиотеки она поступила в Московскую синодальную библиотеку, где была зарегистрирована в каталоге греческих рукописей под № 501 как «Сборник стихотворений древних греческих поэтов» ³. Сведения, касающиеся даты и содержания рукописи, противоречивы. Х. Маттеи в индексе 1780 г. называет среди рукописей Типографской библиотеки рукопись XVI или XVII в. (in quarto, № 5), в которой имеются и «Pindari Olympica» ⁴. Однако Х. Гейне в своем

¹ Приношу глубокую благодарность зав. отделом рукописей М. В. Щепкиной, ее заместителю Т. Н. Протасьевой и сотруднице отдела Л. М. Костюхиной за оказанные мне содействие и помощь в работе над рукописью.

² С. Б е л о к у р о в, Арсений Суханов, ч. I, М., 1891, стр. 372.

³ «Дополнительный каталог греческих и славянских рукописей, писем и старопечатных славянских книг Синодальной библиотеки», М., 1862, № 148, л. 4 (Исторический музей, рукопись).

⁴ Ch. F. M a t t h a e i, Index codicum manuscriptorum Graecorum bibliothecarum Mosquensium sanctissimae synodi ecclesiae orthodoxae Graeco-Rossicae, Petropoli, 1780, стр. 61.

издании Пиндара (1798 г.) говорит о двух ⁵ московских рукописях Пиндара XV в. ⁶ В «Описании» 1805 г. Маттеи опять упоминает рукопись XVI или XVII в., содержащую олимпийские оды Пиндара со схождениями между строками ⁷. Однако А. Бек в своем издании (1811 г.) ⁸ и Т. Моммзен (1864 г.) ⁹ ссылаются на московскую рукопись Пиндара начала XV в. без схолий. Архимандрит Владимир в своем «Систематическом описании» (1894 г.) датирует рукопись Пиндара XVII веком и указывает на наличие объяснений над стихами ¹⁰. Тем не менее Ж. Иригуэн в своей истории Пиндарова текста (1952 г.) вновь говорит о московской рукописи XV в., правда со ссылкой на Т. Моммзена, отмечая, что у него самого не было возможности получить непосредственные сведения об этой рукописи ¹¹.

Необходимо, таким образом, выяснить прежде всего два вопроса: содержит ли московская рукопись схождения и каково время ее написания.

Схолий в общем понимании этого слова, т. е. подробного комментария на полях, в нашей рукописи нет. Судя по расположению текста, их предполагалось вписать. Однако для всех 14 Пиндаровых од имеются межстрочные объяснения, представляющие собой сжатое толкование отдельных слов и оборотов ¹².

Бумага рукописи не однородна по своему качеству и происхождению. В первой части (л. 1—100) преобладает водяной знак в виде перчатки, соответствующий № 10718 по Брикэ и относящийся к началу XVI в. ¹³, в дальнейшем — в части, охватывающей оды Пиндара, — чередуются два других водяных знака: круг с крестом (№ 3063 по Брикэ) и якорь со звездой (№ 521 по Брикэ) ¹⁴. Оба вида бумаги выпускались в Северной Италии в первой половине XVI в. Сравнение характера письма московской рукописи с другими позволило выяснить ее близость к греческой синодальной рукописи № 459 (по Владимиру — № 234), датированной 1568 годом ¹⁵.

Все изложенное выше дает основание полагать, что московская рукопись Пиндара относится не к XV и не к XVII, а к середине или второй половине XVI в.

Московская рукопись Пиндара (греч. 501) осталась неопубликованной. Сличил ее впервые Х. Маттеи. Для издания Х. Гейне им был специально подготовлен список разночтений ¹⁶. Однако Гейне, убедившись, что московские рукописи Пиндара ¹⁷ не

⁵ См. ниже, прим. 17.

⁶ Pindari Carmina, iterum curavit Ch. G. Heune, I, Gottingae, 1798, стр. 61.

⁷ Ch. F. Matthaei, Accurata codicum Graecorum manuscriptorum bibliothecarum Mosquensium sanctissimae synodi notitia et recensio, I, Lipsiae, 1805, стр. 300.

⁸ Pindari Opera quae supersunt, ed. A. Boeckh, I, Lipsiae, 1811, стр. XIX.

⁹ Pindari Carmina, ed. T. Mommsen, Berolini, 1864, стр. XXIV.

¹⁰ Владимир, архимандрит, Систематическое описание рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки, ч. 1. Рукописи греческие, М., 1894, стр. 711.

¹¹ J. Irigoin, Histoire du texte de Pindare, P., 1952, стр. 402, 442.

¹² Ж. Иригуэн называет такие объяснения «глоссами».

¹³ C. M. Briquet, Les filigranes, III, Genève — Paris, 1907.

¹⁴ Briquet, ук. соч., I, P., 1907.

¹⁵ Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской синодальной библиотеки VI—XVII века, издал Савва, епископ Можайский, М., 1863, стр. 19.

¹⁶ Этот список, написанный рукой Х. Маттеи, до сих пор хранится в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде: «Variae lectiones ad Pindari Olympia ex Cod. Mosquensi typographiae Synodali num. 5 in 4-to ad edit. Heune», Собрание рукописей С.-Петербургской духовной академии, № 389; ср. также А. Родосский, Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание, СПб., 1893, стр. 351.

¹⁷ Х. Маттеи преподнес Х. Гейне в качестве подарка вторую московскую рукопись Пиндара (рукопись В), будто бы полученную им от некоего Калиерга (ср. изд.